

DOI 10.15826/qr.2018.2.312
УДК 94(571.1)"16/19":63+597.7(09)+504(09)

**ОСВОЕНИЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭНТОМОЛОГИИ
(XVII – НАЧАЛО XX в.)***

Сергей Туров

Тюменский государственный университет,
Тюмень, Россия

**THE DEVELOPMENT OF WESTERN SIBERIA
IN THE CONTEXT OF HISTORICAL ENTOMOLOGY
(17th – EARLY 20th CENTURIES)**

Sergei Turov

Tyumen State University,
Tyumen, Russia

It is impossible to study agricultural history without taking into account the experience of nature management, knowledge about the use of natural resources in traditional farming, and adaptation to local natural conditions. Another side of the issue concerns the impact of traditional agro-industrial farming on nature. When studying the formation and development of local farming, it is important to consider nature not as a background, but as a powerful and constantly evolving factor. Referring to the aforementioned interdisciplinary approach, the article shows how the traditional farming of Western Siberia adapted to local and synanthropic insects. Bedbugs and black cockroaches felt fine in a new climate, appearing in Western Siberia together with the settled lifestyle of the Russians. Russian-Chinese trade became a mediator for the red cockroach that later penetrated the European part of the country and eliminated its black enemy. Local insects caused Siberians much more trouble than synanthropic insects. Huge numbers of

* Citation: Turov, S. (2018). The Development of Western Siberia in the Context of Historical Entomology (17th – Early 20th Centuries). In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 2, p. 550–562. DOI 10.15826/qr.2018.2.312.

Цитирование: Turov S. The Development of Western Siberia in the Context of Historical Entomology (17th – Early 20th Centuries) // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 2. P. 550–562. DOI 10.15826/qr.2018.2.312 / Туров С. Освоение Западной Сибири в контексте исторической энтомологии (XVII – начало XX в.) // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 2. С. 550–562. DOI 10.15826/qr.2018.2.312.

Siberian gnats (blackflies, mosquitoes, and gadflies) complicated their everyday life and caused serious problems in local cattle breeding. The gnat was especially rampant in the northern part of the region. Insect pests, especially locusts, were also a huge challenge for agriculture. The first attempt to deploy an anti-locust chemical treatment (with kerosene) was carried out in the Trans-Urals in 1902. However, the peasants lost their battle against the locusts. In moments of despair, public conscience might have developed the idea that the locusts were revenging themselves on peasants, so it would be better to stop the fight.

Keywords: Western Siberia; traditional farming; traditional way of life; knowledge about nature; insects.

Изучение аграрной истории невозможно без изучения комплекса знаний, умений по использованию в традиционном хозяйстве природных ресурсов и адаптации к определенным (локальным) природным условиям. Другая сторона проблемы – воздействие традиционной агропромышленной хозяйственной структуры на природные системы. В рассмотрении формирования и развития локальных хозяйственных структур природная среда должна учитываться не как фон, а как мощный постоянно изменяющийся фактор. В статье на базе сформулированной выше междисциплинарной методики прослеживается адаптация традиционного хозяйственного комплекса Западной Сибири к миру насекомых – как местных, так и синантропных. В новом климате хорошо чувствовали себя клопы и черные тараканы, которые появились в Западной Сибири вместе с оседлым бытом русских. Торговля с Китаем стала проводником для рыжего таракана, который проник впоследствии и в Европейскую часть страны, попутно уничтожая своего черного соперника. Значительные неприятности доставляли сибирякам местные насекомые. Несметные полчища сибирского гнуса (мошка, комар, овод) являлись серьезнейшей проблемой для местного скотоводства. Особенно свирепствовал гнус на севере региона. Немало проблем сельскому хозяйству доставляли насекомые-вредители, и в особенности саранча. Первый опыт химической обработки полей и пастбищ от саранчи был предпринят в Зауралье в 1902 г. (керосин). Однако в целом битву с саранчей крестьяне проигрывали. В минуты отчаяния в общественном сознании сложилось представление о том, что саранча мстит за борьбу с ней, которую лучше прекратить.

Ключевые слова: Западная Сибирь; традиционное хозяйство; традиционный быт; природоведческие знания; насекомые.

Человек, осваивая новые территории, словно тянет за собой шлейф из не известных ранее на этих территориях диких и одомашненных животных, растений и насекомых. Докучливые обитатели человеческого жилья – тараканы, клопы, сверчки – попали в Сибирь вместе с русской колонизацией. Дорусский сибирский быт был по преимуществу кочевым, а в «инородческих» чумах и юртах, продуваемых всеми ветрами,

эта нечисть не выживала, в отличие от вшей и блох, которые были едва ли не непременной принадлежностью быта местного населения [Описание живущих Сибирской губернии, с. 145]. Вместе с русским бытом в Сибирь пришел не привычный сегодня рыжий таракан (прусак), а так называемый черный. Первое документальное упоминание о тараканах находим в присланном в Сибирский приказ из приполярной Мангазеи сообщении о случившемся в 1642 г. пожаре:

Волею Божию, государь, половина города выгорела дотла, а из остальной половины ползут тараканы в поле. И видно быть и на той половине гневу Божию, и долго ль коротко ли и той половине горети, что и от старых людей примечено [Белов, с. 94].

К середине XVIII в. тараканы добрались до самого северного русского населенного пункта в Западной Сибири – низовьев р. Таз, то есть до самых северных русских населенных пунктов в Западной Сибири на ту пору. На юге региона границу продвижения черных тараканов в 1770 г. зафиксировал П. С. Паллас:

...В новонаселенных между Тоболом и Ишимом деревнях тараканов совсем нет, а по Иртышу они не далее как до Омской крепости расплодились; хотя их там за несколько времени и великое множество водилось; напротив же того, клопы и сверчки по Иртышу уже везде развелись... [Паллас, с. 103].

На востоке Сибири черный таракан продвинулся как минимум до Иркутска, причем сюда он приехал в буквальном смысле слова на плечах сибиряков. По легенде С. И. Черепанова (1810 г. р.), в Иркутск черных («кофейных») тараканов привез его дед. Якобы однажды, находясь в Ирбите, дед Черепанова впервые увидел этих насекомых и не придумал ничего лучшего, как поймать пару, завернуть их в бумажку и поместить в шкатулку с тем, чтобы показать затем в Иркутске своим знакомым и домашним. Кончилась эта сомнительная затея тем, что по приезде домой он открыл шкатулку, а тараканы из нее буквально брызнули. Выжили и размножились они по той причине, что в шкатулке хранились, помимо прочего, просфоры [Черепанов, с. 6–7]. В общественном сознании бытовали и другие версии появления этих насекомых в Сибири. По свидетельству Эрика Ласмана (между 1764 и 1768 г.), барнаульцы и жители окрестных деревень считали таракана лесным насекомым на том основании, «что видят их иногда ползущими по улице...» [Письма, относящиеся до Сибирского края, с. 46].

Вероятно, черный таракан со временем захватил бы и земли «между Тоболом и Ишимом», но у него появился грозный соперник:

В Усть-Каменогорске за несколько лет примечены некоторые маленькие азиатские тараканы... о которых думают, что они принесены сюда с ташкентскими товарами. Сия досадная и вредная гадина так скоро здесь

расплодилось, что все почти дома ими полны. Ниже буду я иметь случай объявить, что те же тараканы при новом открытии китайской торговли начали размножаться от востока даже за Сибирь; и они так малы и плоски, что в малейших щелях скрыться могут, то не может почти быть, чтоб в короткое время и в России через проходящие из Сибири товары сею гадиною обременены не были. И чаятельно, что и крепости на Иртыше недолго уже от оных свободны останутся, хотя доселе большие западные азиатские тараканы угнездиться там и не могли, и повыше Томска на Иртыше нигде не попадаются... Оных отличают от обыкновенных кофейных тараканов, которых здесь не столь, названием прусские тараканы. И заподлинно знают, что они перевезены сюда купцами, на китайских границах торгующими, между товарами [Паллас, с. 257, 430].

Тараканы двигались в Западную Сибирь с двух направлений и к 1760-м гг. освоили все ее пространство. По-видимому, в это время началась «великая тараканья война», в результате которой мелкий рыжий таракан сначала вытеснил крупного «кофейного» (черного) из Сибири, а затем и из Европейской части страны. Дело в том, что маленький (в сравнении с черным) плоский рыжий таракан без труда находил и уничтожал кладки личинок черного таракана, а сам откладывал личинки в местах, недоступных сопернику. Таким образом, подтвердился прогноз П. С. Палласа о том, что в будущем «рыжие азиатские тараканы» освоят и Европейскую Россию. Отсюда, по-видимому, рыжий таракан двинулся в Европу, где и по сей день его именуют «русским». Но это произошло позднее, а пока рыжий таракан завоевал Западную Сибирь. Впрочем, сибиряков мало занимала «тараканья война», большинство, скорее всего, ее попросту не заметили. В конце концов, какая разница, какие насекомые одолевают твоё жилище, главное – найти способ от них избавиться. Таракан – теплолюбивое насекомое. По этой причине тараканов было принято вымораживать в зимнее время с наступлением холодов, оставляя на некоторое время жильё без отопления [Зеленин, с. 1029–1030]. Именно подобным образом настоятельно рекомендовал поступить тобольским обывателям губернатор Д. И. Чичерин в 1776 г.:

Как ныне наступило время холодное, то за первое предлагаю во всех харчевнях и где хлеб и калачи пекут, вымораживать тараканов. Равным образом и во всех в Тобольске домах от полиции о том же объявить [Кузнецов, с. 181].

Клопов выводили, наполняя дом ветками цветущей черемухи. Что касается вшей, то с ними вполне непринужденно расправлялись аборигены Севера. Спутник П. С. Паласа «академический студент» Василий Зуев в своем известном «Описании живущих Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов...» оставил на сей счет следующее свидетельство:

...За подлинное я сам видел между остяками и самоедцами, что бабы у мужиков ищут вшей... коих и едят без всякой брезгливости, но хотя при русских им было и стыдно, однако в ответ без всякого зазору сказали, что они де нас кусают, то мы равным образом и их должны кусать без милости [Описание живущих Сибирской губернии, с. 145].

Но и у русских существовали достаточно экзотические способы избавиться от насекомых, круто замешанные на суевериях. Например, камышловские крестьяне в середине XIX в. считали:

...Чтобы вывести из дому тараканов или клопов, нужно одного привязать за толстую веревку и тянуть двум мужчинам, при этом не смеяться; для вывода клопов еще несколько их кладут в гроб покойника; а для вывода тараканов такая примета: когда жених и невеста выезжают к венцу, то в дом, из коего выехали, надобно ввести таракана [Зеленин, с. 1029–1030].

Во все времена серьезной проблемой в Сибири были кровососущие насекомые (гнус). Еще путешественники в XVIII в. отмечали эту докучливую особенность сибирского быта: «Я нигде не видел таких ядовитых комаров и оводов, какие здесь, на Иртыше, так что по их ужалении всегда зловерный и гнойный пузырь», – писал академик П. С. Паллас в 1770-х гг. [Паллас, с. 15–16]. Еще одно свидетельство конца XVIII в. подтверждает это мнение известного исследователя-путешественника:

Положение Тобольской губернии и паче вышеозначенных уездов есть хотя местами и гористое, но весьма сырое, болотистое и лесное место, от чево и рождаются великое множество разного рода насекомых, как-то комары, слепни, оводы, пауты и такое великое множество ядовитых мошек, что едва солнце бывает видно [ТГИАМЗ ФНР. Инв. № 805].

В середине XIX столетия И. Завалишин писал об истинном биче в Барабинском лесостепи – мошке, тучи которой «с придачей комара и кровопийц больших паутов сопровождают табуны и стада, изнурая их в летние жары до невероятности» [Завалишин, с. 54–55]. Таким же, если не хуже, было положение и на севере региона:

...В июне и июле в лесных и сырых округах появляются мириады крылатых насекомых и в таком значительном количестве, что они, носясь между лесов тучами, часто затемняют воздух. Скот, в особенности лошади... в это время хуеют, подвергаются многим болезням и часто падают, потому что во все это время не едят, а только тщетно отбиваются хвостом, головой и ногами от страшных туч этих вампиров, среди самых обильных и сочных трав, или заходят в воды, над которыми всегда шелестит ветерок, разгоняющий оводов, или прибегают во дворы и становятся над куревами [Колмогоров, с. 20].

Впечатляющую подробную картину нарисовал анонимный, но весьма осведомленный автор в конце XVIII в. Особенно ему жаль лошадей, которые

...приходят от того в изнурение и изнеможение или валяются, чтоб, как ни есть, от острия жала избавиться таковых неприятелей, и пребывают весь день в движении и бес корма. В ночное же время, при упадении росы, когда они насекомые от сырости и свежести воздуха попрятуются по своему свойству, тогда лошадь начинает есть. <...> И при том чрез короткое время и есть ей бывает нечево, ибо, бегая, вытаптывают и выбивают до тово всю траву (в огороженной поскотине. – С. Т.)... от чего некоторые лошади, выбиваясь из сил, недвижимы бывают и не в состоянии обороняться хвостом и головою от насекомых, которым и достаются...] и, не стерпя нападения, от миллионного, так сказать, множества насекомых, жалостно умирают [ТГИАМЗ ФНР. Инв. № 805].

Так же сильно доставалось и овцам:

...Ибо овец не в состоянии по частой их шерсти уезвлять, разбедают им, вскрыв, задние проходы, до того, что заводятся черви. А более всего набиваются в ноздри овцам и баранам, от чего производят им чихание. Как бедные, чихая, испуская из себя с стремлением дух, принуждены бывают с таковою ж силою, какой и в себя втягивать, и тем более притягивают самовольно, так сказать, сию мелкую мошку как в ноздри, так и в горло. От чего и начинают вертеться, ибо зуд, происходящий в ноздрах и хрящах, беспрестанно беспокоя оную, доводит ее до сего действия. От чего отстав и тако замучившись, умирают [ТГИАМЗ ФНР. Инв. № 805].

«Насекомые-убийцы» свирепствовали и в тундре. Например, летом 1928 г. в Ямальской тундре было столько комаров, что отмечались случаи, когда слабые олени гибли, измученные комарами [ГАЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 8. Л. 161]. Не лучше дела обстояли и в лесной полосе Северного Зауралья, где, по словам местных оленеводов, «тундровый олень не в состоянии пасть в равнинной части в летнее время (причины – гнус)» [Там же. Д. 47. Л. 56].

«Курева» (дымокуры) были единственным средством отогнать насекомых от скота и являлись необходимым элементом сибирского скотоводства:

Когда едешь, например, летом через Барабу... то вся окрестность кажется далеко застланною дымным туманом, от которого солнце кажется каким-то кровавым шаром. У всех околиц поднимаются густые столбы дыма от зажженных навозных куч, складенных в глубокие ямы и прикрытых сверху дерном, чтобы они дымились, а не пылали [Завалишин, с. 12].

Не менее широко окуливание применялось и в лесной полосе края: «...курево (кучи зажженного гнилого лесу и навозу) в домах, во дворах и на пастбищах...» [Колмогоров, с. 20]. На юге региона строились специальные помещения для защиты скота от летнего зноя и насекомых. Тюменский купец-меценат Чукмалдин вспоминал в конце XIX в. о поре своего детства:

Я помню даже, что на выгоне были устроены для всего скота деревни обширные навесы, покрытые дерном, под названием «холодильников», куда в каждый жаркий день и прятался скот от оводов и зноя [Чукмалдин, с. 340].

Самые ранние упоминания «холодильников» из известных нам относятся к концу XVIII – началу XIX в. для Ялуторовского уезда Тобольской губернии. Первое датировано 1798 г. [ГУТО ГАТ в г. Тобольске. Ф. 329. Оп. 13. Д. 12. Л. 143]. В другом источнике даже содержится, правда, весьма упрощенное, но все же описание этих сооружений: «...выстроены при пастбищах на поле ис лознику прогоны, называемые по-здешнему холодильники, и от солнечного зноя покрыты» [Там же. Оп. 1. Д. 2. Л. 69 об.]. А на севере края крестьяне сводили лес с единственной целью – приобрести обширные выгоны, на которых скот мог бы хотя отчасти получить защиту от гнуса [Колмогоров, с. 20]. Так поступали в округах Томском, Колыванском и Каинском, а в особенности в Тарском, Тобольском, Тюменском и Туринском:

Опытом доказано, что чем более полей и лугов, обнаженных от лесов, тем более и сильнее проходят по ним ветры, которые разгоняют эти страшные тучи насекомых и заставляют их укрываться у лесов; скот, пасущийся на этих открытых и ветреных местах, по крайней мере, не хуеет, не подвергается болезням, на зиму в теле и в здоровом состоянии и к весне годен в полевую работу [Там же, с. 20–21].

Крестьяне отмечали, что с увеличением численности населения и, соответственно, степени окультуренности местности насекомых становилось значительно меньше. В этом, например, уверяли Е. С. Филимонова русские крестьяне Барабы в начале 90-х гг. XIX в. Они рассказывали, что за 50–100 лет до этого летом по Барабинскому лесостепью можно было продвигаться только следующим образом:

...Лошадь обвязывалась со всех сторон пучками березовых веток и затем сильно настегивалась. При быстрой езде, когда ветви и листья их приводились в движение, насекомые, пораженные таким странным шумом и не находя в то же время возможности подобраться к животному, отлетали в сторону [Филимонов, с. 13].

Во все времена немало проблем сельскому хозяйству доставляли насекомые-вредители. Однако самой страшной угрозой было насекомое эпической прожорливости и столь же эпической размножаемости – саранча. В частности, в западносибирской лесостепи обитает сибирская кобылка (*Gomphocerus sibiricus*), нестадное саранчовое семейства *Acrididae*. Однако не только местная саранча доставляла неприятности сибирским хлеборобам в засушливые годы. В Южном Казахстане искони обитают два вида опасной стадной саранчи: марокканская саранча (*Dociostaurus maroccanus*) и туранский прус (*Calliptamus turanicus*). Первое описание нашествия казахстанской саранчи в южные районы Западной Сибири принадлежит академику П. С. Палласу (1770 г.):

По дороге от Подпускной до Кривозерной станицы ничего не было столь примечательного, как множество малой саранчи, которая по всей степи кучами ползала, так что целые полосы в 50 и 60 сажен совершенно дочерна ею были покрыты... Сих насекомых было на всех сухих каменистых буграх... также и на сухой соленой низменности столь невероятное множество, что они, особливо около Грачевской станицы, кроме твердого песчаного осота, жаростойкой ветреницы... и старых полынных стеблей, всю зелень, и траву, и сам молочай дочиста пожрали. За Белокаменной видно их уже гораздо менее, но сказывают, что во всей сей полосе до того места ежегодно сей род саранчи столь необыкновенным образом размножается и иногда отлетает, ибо они иногда в нижних странах Иртыша пожирают весь молодой хлеб [Паллас, с. 171–172].

Явление саранчи в засушливые годы было столь привычно, что на общем фоне снижения урожайности ущерб, нанесенный непосредственно саранчой, отдельно не учитывался. Так, в Тобольской губернии от холодных ветров, заморозков, града, засух, наводнений и нашествий саранчи погибло хлебов в 1810 г. на 97 тыс. десятин, в 1816 г. – на 105 тыс. десятин, в 1819 г. – на 1 млн десятин [Пундани, с. 57]. В 1846 г. отмечалось, что в Кривошеинской волости Колыванского округа Томской губернии саранча уничтожила «разного рода ярового хлеба» 914,5 десятины [Смесь, с. 157]. Правительство обратило внимание на эту проблему только в начале 70-х гг. XIX в. в связи с очередным нашествием саранчи в приуральское и зауральское лесостепье. Но только в начале 1880-х гг. были проведены некоторые исследования и опробованы методы борьбы с саранчой [Ершов, с. 12–13]. Юг Тобольской губернии подвергся очередному катастрофическому нашествию саранчи в 1884–1892 гг. В 1891 г. саранча уничтожила здесь не только хлеб и траву, но еще камыш, осоку, ливу на деревьях и т. п. [Выдержки из отчета, с. 17]. По расчетам Н. М. Ядринцева, в 1891 г. только в Ишимском уезде она повредила до 60 % посевных площадей [Ядринцев, с. 20]. В 1894 г. крестьяне Курганского округа в ознаменование страшного нашествия саранчи установили

каменный обетный крест, в надписи, имевшейся на нем, можно было прочесть следующее:

Кобылка появилась в 1884; к 1890 году она распространилась по всему Курганскому округу и уничтожила много хлеба. Народ обеднел, посева убавились, старые хлеба съели, и получился голод... Урожай 1892 года прекратил бедствие голода... В 1892 году посеяно было 175 938 десятин – только половина обыкновенного сева Курганского округа. С 1892 года увеличился посев озимей... Всего по Курганскому округу в восемь лет кобылка высекала до 500 000 десятин [Выдержки из отчета, с. 18–19].

Сначала саранча выедала яровые хлеба. В меньшей степени повреждались озимые, овес, гречиха, просо, конопля, горох, картофель, мак. Не отмечалось повреждений культурных крестоцветов [Носов, с. 96].

Однако саранча в первую очередь уничтожала траву на лугах и покосах, а уже затем шла на хлеб. Таким образом, большие потери хлебов свидетельствуют о том, что саранча уже уничтожила траву и заставила голодать скот летом, а также лишила крестьян возможности сделать запасы сена на зиму. Так, в 1913 г. пастбища в Курганском округе были «высечены» кобылкой так, что скот голодал, и коровы перестали давать молоко [Носов, с. 43].

Очаги наибольшего распространения саранчи в Тобольской губернии совпадали с местностями, в которых особенно значительно было развито скотоводство. В Тобольской губернии общий отзыв крестьян был таков: «Для нас не так страшен неурожай хлеба, как неурожай трав. Уродилась трава – мы с деньгами: и себя прокормим, и скот будет сыт и цел» [Носов, с. 20].

Многие крестьяне практически не боролись с саранчой, видя в ней «Божью кару», более того, почитали подобную борьбу за грех [Носов, с. 46; ТГИАМЗ ФНР. Инв. № 12986. Л. 14]. Считалось, что саранча падает с неба и выпускает яд на растения и землю. Бытовало также представление о том, что саранча мстит за борьбу с ней. О том, что саранча появляется из яичек, находящихся в кладке под землей (кубышке), крестьяне не знали. И только в тех селениях, где специалисты указывали на кубышки крестьянам, последние пробовали их уничтожать. Но население не считало эту меру необходимой, на работу отряжались престарелые крестьяне [Носов, с. 18]. Только в 1891–1892 гг. крестьяне по настоянию властей для борьбы с саранчой стали применять осеннюю перепахку полей, сбор кубышек, отлов и сжигание саранчи. Особенно возражали сибиряки против осенней глубокой перепахки полей с целью уничтожения кубышек. «От осенней пахоты земля портится, в ней соку не бывает на весну, поэтому, произведя запашку яиц, можно остаться на следующее лето без хлеба», – говорили они. Кроме того, малоимущие крестьяне не могли себе позволить занимать лошадей осенью, когда они были необходимы на других, с точки зрения хозяев, более важных работах [Носов, с. 59]. Все меры, применявшиеся

по настоянию властей, в конечном счете как крестьянами, так и властями были признаны тщетными [Там же, с. 75–79]. И это при том, что кобылка уничтожалась в огромных количествах. В 1892 г. в Курганском округе «наловили пологами» 155 951 пудов саранчи [Там же, с. 19]. В том же году только в Камышловской волости было поймано 5 тыс. пудов кобылки. С одной десятины пшеничного поля налавливали по 18 пудов, и все-таки кобылки не убавлялось [Скалозубов, с. 8].

Однако сибирякам удавалось до некоторой степени справляться с бедствием. Крестьяне замечали, что озимые наиболее устойчивы при нашествии саранчи. Поэтому в годы активизации саранчи они резко увеличивали озимый клин в запашке. Крестьяне подметили также, что саранча предпочитает поздние и слабые хлеба ранним, а значит – сильным. Они знали также, что саранча избегает густых и затемненных посевов и объедает их только с краев, очень медленно продвигаясь в глубь полосы с густым высоким хлебом. Хлеб, росший на хорошо вспаханной или удобренной земле, лучше противостоял саранче и часто вновь отрастал в случае, если саранча объедала его ранней весной. Поэтому крестьяне старались вспахать получше и посеять пораньше. Правда, по силам это было по преимуществу только зажиточным хозяевам [Выдержки из отчета, с. 21–22]. Согласно данным И. Носова, в 1893 г. в деревнях Старорямово, Новорямово, Гагарино Бердюжской волости Ишимского округа у зажиточных дворохозяев, лучше обработавших землю, посеявших вовремя хорошие семена, саранча повредила от 23 до 50 % всходов, а у бедных, засеявших землю при худших условиях, от 63 до 90 % [Носов, с. 96]. Крестьянами было замечено, что саранча обычно пропадает от так называемой медвяной росы, которая выпадала около Иванова дня (между 10–15 июня по старому стилю). Сибиряки вели постоянный поиск средств борьбы с саранчой. Так, в начале 1890-х гг. в Оренбургской губернии среди сельских жителей распространилось мнение, что обсеивание хлебов гречихой и просом (полосками) спасает хлеб от саранчи. Считалось даже, что, поев гречихи или проса, саранча погибает.

Действительно, гречиху и просо саранча ест неохотно. Однако это обстоятельство не мешает ей откладывать «кубышки» на полях, засеянных этими культурами [Носов, с. 55]. Первый опыт химической обработки банальным керосином полей и пастбищ от саранчи в Зауралье был предпринят в 1902 г. В 1913 г. после подобной химобработки на одной квадратной сажени обнаруживалось до 1,5 тыс. трупов этого насекомого [Выдержки из отчета, с. 17, 19. 43; ТГИАМЗ ФНР. Инв. № 12986. Л. 14].

Итак, фактор «насекомые» вносил значительные коррективы в процесс аграрного освоения Западной Сибири. Сибирский гнус не только осложнял быт, но и создавал серьезные проблемы местному скотоводству, особенно овцеводству. В зоне северной тайги Зауралья по этой причине невозможно было оленеводство. Нашествия саранчи приводили к катастрофам, вполне сопоставимым по своим последствиям с другими природными катаклизмами – засухами или наводнениями.

Претерпевала трансформации природная среда региона в связи с появлением ранее не известных здесь видов синантропных насекомых – клопов и тараканов, которые благодаря торговым связям и бытовому укладу освоили не только Сибирь, но и Европейский континент. На севере Западной Сибири следствием борьбы с гнусом стало исчезновение значительных участков леса.

Список литературы

- Белов М. П.* Мангазея. Л. : Гидрометеиздат, 1969. 128 с.
- Выдержки из отчета о борьбе с кобылкой в Тобольской губернии в 1913 году состоящего по Департаменту земледелия старшего специалиста по борьбе с вредителями сельского хозяйства Ф. Н. Лебедева // Памятная книжка Тобольской губернии на 1914 год. Тобольск : Губерн. тип., 1913. С. 15–21.
- ГАЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 8, 47.
- ГУТО ГАТ. Ф. 329. Оп. 1. Д. 2; Оп. 13. Д. 12.
- Ершов В. И.* Враги сельского хозяйства в Оренбургской губернии // Вестник русского сельского хозяйства. 1893. № 4. С. 10–21.
- Завалишин И.* Описание Западной Сибири : в 3 т. М. : Тип. Грачева и К, 1865. Т. 2. 277 с.
- Записки путешествия академика Лепехина // Полное собрание ученых путешествий по России : в 7 т. СПб. : Императ. акад. наук, 1822. Т. 5. 498 с.
- Зеленин Д. К.* Описание рукописей ученого архива Русского географического общества. Вып. 3. Пг. : Тип. А. В. Орлова, 1916. 1280 с.
- Колмогоров Г.* Очерк лесов и лесных промыслов Северо-Западной Сибири // Журн. М-ва внутр. дел. 1856. № 10. С. 12–29.
- Кузнецов Е. В.* Сибирский губернатор Д. И. Чичерин // Рус. старина. 1891. № 71. С. 179–182.
- Носов И.* Отчет отряда преподавателей Красноуфимской сельскохозяйственной школы и учеников Красноуфимского промышленного училища, приглашенных на лето 1893 года в Тобольскую губернию для мероприятий по борьбе с кобылкой // Ежег. Тобол. губерн. музея. Вып. 1. Тобольск : Губерн. тип., 1893. С. 1–101.
- Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде инородческих народов остяков и самоедцов, сочиненное студентом Василием Зуевым // Путешествия по Обскому Северу. Тюмень : Изд-во Ю. Мандрики, 1999. С. 137–223.
- Паллас П. С.* Путешествие по разным местам Российского государства по повелению Санкт-Петербургской академии наук : в 3 ч., в 5 кн. СПб. : Императ. акад. наук, 1786. Ч. 2. Кн. 2. 576 с.
- Письма, относящиеся до Сибирского края, от Линнея к Лаксману и от Лаксмана к Шлецеру и Бекману // Сиб. вестн. 1829. Ч. 9. С. 151–166.
- Пундани В. В.* Государственная деревня Урала и Западной Сибири во второй половине XVIII – первой половине XIX века. Курган : Курган. гос. ун-т, 1999. 270 с.
- Скалозубов Н.* Отчет о работе по борьбе с кобылкой в 1895 г. в Тобольской губернии // Ежег. Тобол. губерн. музея. Вып. 5. Тобольск : Губерн. тип., 1895–1896. С. 1–23.
- Смесь // Журн. М-ва внутр. дел. 1845. Ч. 15. С. 157.
- ТГИАМЗ ФНР. Инв. № 805, 12986.
- Филимонов Е. С.* Экономический быт государственных крестьян и инородцев Северо-Западной Барабы, или Спасского участка Каинского округа Томской губернии // Материалы для истории экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Вып. 17. СПб. : Тип. «Счетовод» Г. Букешина, 1892. 247 с.
- Черепанов С. И.* Отрывки из воспоминаний сибирского казака : Пребывание в Сибири 1810–1848. Казань : Типо- и литография А. И. Линимайер, 1879. 83 с.
- Чукмалдин Н. М.* Мои воспоминания : Избр. произв. Тюмень : СофтДизайн, 1997. 367 с.

Ядринцев Н. М. О способах и средствах борьбы с кобылкой в южных округах Тобольской губернии. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1893. 23 с.

References

- Belov, M. P. (1969). *Mangazeya* [Mangazeya]. Leningrad, Gidrometeoizdat. 128 p.
- Cherepanov, S. I. (1879). *Otryvki iz vospominanii sibirskogo kazaka. Prebyvanie v Sibiri 1810–1848* [Extracts from a Siberian Cossack's Memoirs. A Stay in Siberia in 1810–1848]. Kazan', Tipo- i litografiya A. I. Linimaier. 83 p.
- Chukmaldin, N. M. (1997). *Moi vospominaniya. Izbrannye proizvedeniya*. [My Memoirs. Selected Works]. Tyumen', SoftDizain. 367 p.
- Ershov, V. I. (1893). Vragi sel'skogo khozyaistva v Orenburgskoi gubernii [Pests in Orenburg Province]. In *Vestnik russkogo sel'skogo khozyaistva*. No. 4, pp. 10–21.
- Filimonov, E. S. (1892). Ekonomicheskii byt gosudarstvennykh krest'yan i inorodtsev Severo-Zapadnoi Baraby, ili Spasskogo uchastka Kainskogo okruga Tomskoi gubernii [The Economic Life of State Peasants and Foreigners in North-Western Baraba, or the Spassky Area of Kainsk District in Tomsk Province]. In *Materialy dlya istorii ekonomicheskogo byta gosudarstvennykh krest'yan i inorodtsev Zapadnoi Sibiri*. St Petersburg, Tipografiya "Schetovod" G. Bukeshina. Iss. 17. 247 p.
- GAYaNAO [The Yamal-Nenets Autonomous District State Archive]. Stock 12. List 1. Dos. 8, 47.
- GUTO GAT [State Institution of Tyumen Region "State Archive in Tobolsk"]. Stock 329. List 1. Dos. 2; List 13. Dos. 12.
- Kolmogorov, G. (1856). Ocherk lesov i lesnykh promyslov Severo-Zapadnoi Sibiri [The Sketch of Forests and Forest Trade in North-Western Siberia]. In *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del*. No. 10, pp. 12–29.
- Kuznetsov, E. V. (1891). Sibirskii gubernator D. I. Chicherin [Siberian Governor D. I. Chicherin]. In *Russkaya starina*. No. 71, pp. 179–182.
- Nosov, I. (1893). Otchet otryada prepodavatelei Krasnoufimskoi sel'skokhozyaistvennoi shkoly i uchениkov Krasnoufimskogo promyshlennogo uchilishcha, priglasennykh na leto 1893 goda v Tobol'skuyu guberniyu dlya meropriyatiy po bor'be s kobyalkoi [A Report Written by the Teachers' Team from the Krasnoufimsk Agricultural School and by the Students of Krasnoufimsk Industrial College, Invited to Spend the Summer of 1893 in Tobolsk Province in order Participate in Anti-Locust Events]. In *Ezhegodnik Tobol'skogo gubernskogo muzeya*. Iss. 1, pp. 1–101.
- Opisanie zhivushchikh Sibirskoi gubernii v Berezovskom uезде inovercheskikh narodov ostyakov i samoedtsov, sochinennoe studentom Vasiliem Zuevym (1999) [The Description of the Non-Christian Peoples, the Ostyaks and the Samoyeds, Living in Siberian Province in Beryozov District, Written by Student Vasily Zuev]. In *Puteshestviya po Obskomu Severu*. Tyumen', Izdatel'stvo Yu. Mandriki, pp. 137–223.
- Pallas, P. S. (1786). *Puteshestvie po raznym mestam Rossiiskogo gosudarstva po poveleniyu Sankt-Peterburgskoi Akademii Nauk v 3 ch., v 5 kn.* [Traveling to Different Places of the Russian State at the Order of St Petersburg Academy of Science. 3 Parts. 5 Books]. St Petersburg, Imperatorskaya Akademiya nauk. Part 2. Book 2. 576 p.
- Pis'ma, odnosyashchiesya do Sibirskogo kraya, ot Linneya k Laksmanu i ot Laksmana k Shletseru i Bekmanu [Letters on Siberian Region, from Linnaeus to Laxmann and from Laxmann to Schlözer and Beckman]. (1829). In *Sibirskii vestnik*. Part 9, pp. 151–166.
- Pundani, V. V. (1999). *Gosudarstvennaya derevnya Urala i Zapadnoi Sibiri vo vtoroi polovine XVIII – pervoi polovine XIX veka* [The State Village in the Urals and Western Siberia in the Late 18th – Early 19th Centuries]. Kurgan, Kurganskii gosudarstvennyi universitet. 270 p.
- Skalozubov, N. (1895–1896). Otchet o rabote po bor'be s kobyalkoy v 1895 g. v Tobol'skoi gubernii [The Report on Anti-Locust Activities in 1895 in Tobolsk Province]. In *Ezhegodnik Tobol'skogo gubernskogo muzeya*. Iss. 5, pp. 1–23.

Smes' [Miscellaneous]. (1845). In *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del*. Part 15, p. 157. *TGIAMZ FNR* [Tobolsk State Historical Architectural Museum and Reserve. Scholarly Manuscripts Fund]. Dos. 805, 12986.

Vyderzhki iz otcheta o bor'be s kobylkoi v Tobol'skoi gubernii v 1913 godu, sostoyashchego po Departamentu zemledeliya starshogo spetsialista po bor'be s vreditelyami sel'skogo khozyaistva F. N. Lebedeva [Extracts from the Report on the Fight against Locusts in Tobolsk Province in 1913, Written by F. N. Lebedev, Senior Specialist on Pest Control of the Department of Agriculture]. (1913). In *Pamyatnaya knizhka Tobol'skoi gubernii na 1914 god*. Tobol'sk, Gubernskaya tipografiya, pp. 15–21.

Yadrintsev, N. M. (1893). *O sposobakh i sredstvakh bor'by s kobylkoyu v yuzhnykh okrugakh Tobol'skoi gubernii* [On the Ways and Means to Fight Locusts in Southern Areas of Tobolsk Province]. St Petersburg, Tipografiya I. N. Skorokhodova. 23 p.

Zapiski puteshestviya akademika Lepekhina [Academician Lepyokhin's Travel Notes]. (1822). In *Polnoe sobranie uchenykh puteshestvii po Rossii v 7 t.* St Petersburg, Imperatorskaya Akademiya nauk. Vol. 5. 498 p.

Zavalishin, I. (1865). *Opisanie Zapadnoi Sibiri v 3 t.* [Description of Western Siberia. 3 Vols.]. Moscow, Tipografiya Gracheva i kompanii. Vol. 2. 277 p.

Zelenin, D. K. (1916). *Opisanie rukopisei uchenogo arkhiva Russkogo geograficheskogo obshchestva* [The Description of Manuscripts from the Academic Archive of the Russian Geographic Society]. Petrograd, Tipografiya A. V. Orlova. Iss. 3. 1280 p.

The article was submitted on 15.03.2018